

На правах рукописи

ТОНКОВА Елена Георгиевна

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕЧЕВОГО СУБСТАНДАРТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО АРГО)**

Специальность 10.02.01 - русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Нижний Новгород – 2007

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Грачёв Михаил Александрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Николаев Геннадий Алексеевич
(г. Казань)

кандидат филологических наук, доцент
Гутина Елена Александровна
(г. Нижний Новгород)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Череповецкий
государственный университет»

Защита состоится 25 мая 2007 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 в Нижегородском государственном университете им. Н.А. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан «21» апреля 2007 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Л.В. Рацибурская

В последние десятилетия в отечественном языкознании предметом исследования всё чаще становится речевой субстандарт - языковые формы и их элементы, противопоставленные кодифицированной норме стандарта (литературного языка). В наши дни субстандартная лексика активно проникает не только в устно-разговорную разновидность литературного языка, но и в публичную речь, язык средств массовой информации. В результате литературная речь засоряется и вульгаризируется, разрушается традиционная нормативность словоупотребления. Учёные отмечают, что самое заметное и весьма негативное воздействие на литературный язык оказывает арготическая лексика (Н.С. Валгина, М.А. Грачёв, В.С. Елистратов, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Г.П. Нешименко, В.В. Химик и др.).

Одним из способов борьбы с активным проникновением арготизмов в стандартный язык является их всестороннее, комплексное изучение. Однако до сих пор исследование русского арго ограничивалось лексическим и словообразовательным уровнями (М.А. Грачёв, В.Б. Быков, В.Н. Андреев, В.В. Химик, М.А. Глухова и др.). Это напрямую связано с бытующим в русистике мнением, что социальные диалекты, к которым относится арго, дифференцированы главным образом в области лексики, семантики, фразеологии, а по фонетическому и грамматическому строю они практически не отличаются от системы литературного языка. Современные исследования арговедов подтверждают справедливость данного мнения только в отношении фонетических особенностей арго, которые действительно интересны с лингвистической точки зрения лишь в отдельных случаях (см. работы М.А. Грачёва, В.Б. Быкова, В.С. Елистратова). В отношении грамматических (морфологических и синтаксических) особенностей это утверждение не совсем оправданно. В частности, о существовании некоторых морфологических особенностей русского арго писали такие исследователи, как Д.С. Лихачёв, В.Д. Бондалетов, М.А. Грачёв. Однако сведения, представленные в работах авторитетных языковедов, в настоящее время нуждаются в дополнении.

Актуальность данной работы связана с тем, что в отечественном языкознании остаются малоизученными морфологические особенности такого компонента речевого субстандарта, как арго. Анализ морфологических особенностей арго очень важен для русистики, поскольку результаты работы могут способствовать расширению наших познаний о национальном языке, о тенденциях его дальнейшего развития. Помимо этого, изучение грамматических особенностей арготизмов может существенно изменить наши представления о грамматической системе

современного русского языка, пополнить их новыми фактами. В процессе изучения частей речи, представленных в русском арго, можно выяснить, какие изменения происходят в арготизмах, образованных лексико-семантическим способом от слов литературного языка, и что происходит с арготизмами, проникающими в литературный язык и другие системы русского национального языка.

Объектом исследования в данной работе является русский речевой субстандарт.

Предметом настоящего исследования являются морфологические особенности речевого субстандарта, рассматриваемые на материале одного из его составных компонентов - русского арго.

Цель работы заключается в выявлении и описании морфологических особенностей русского арго в сравнении с морфологическими особенностями кодифицированного языка и наиболее известных и изученных некодифицированных языковых подсистем - просторечия и молодёжного жаргона. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) описать признаки русского арго как субстандартной языковой подсистемы;
- 2) дать обзор изучения морфологических особенностей русского арго;
- 3) сравнить части речи, представленные в арго, литературном языке, просторечии и молодёжном жаргоне;
- 4) выявить специфику частей речи, представленных в русском арго;
- 5) исследовать и описать грамматические особенности арготизмов, отличающие их от слов других функциональных подсистем русского национального языка.

Материалом исследования является арготическая лексика, представленная в следующих словарях: «Словарь тысячелетнего русского арго» М.А. Грачёва (2003), «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет современной тюрьмы» Д.С. Балдаева, В.К. Белко, И.М. Исупова (1992), «Справочник по ГУЛАГу» Ж. Росси (1991), «Толковый словарь русского сленга» В.С. Елистратова (2005), «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2001) и др. Для анализа также привлекались словари других подсистем русского речевого субстандарта: «Словарь современного молодёжного жаргона» М.А. Грачёва (2006), «Большой словарь молодёжного сленга» С.И. Левиковой (2003), «Молодёжный сленг: Толковый словарь» Т.Г. Никитиной (2004), «Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона» О.П. Ермаковой,

Е.А. Земской, Р.И. Розиной (1999), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химики (2004) и др. Источниками текстовых иллюстраций послужили толковые словари социальных диалектов, художественные и публицистические произведения криминальной тематики, публикации периодической печати, описывающие жизнь и деятельность преступных элементов, сборники песен уголовного мира, личные записи автора, сделанные в разное время в беседах с работниками правоохранительных органов. Объём проанализированной арготической лексики составил около пятнадцати тысяч слов.

Методы исследования. В работе использованы методы лингвистического наблюдения и описания, а также вероятностно-статистический, сравнительный и структурно-семантический методы. В ряде случаев использовалась методика контекстного анализа лексических единиц.

Научная новизна исследования. Научная новизна данного исследования заключается в том, что арготическое явление рассматривается как субстандартная языковая подсистема, имеющая свою специфику в области морфологии. В работе выявляются и описываются морфологические особенности русского арготического диалекта, отличающие данный социальный диалект как от языкового стандарта, так и от форм субстандартной устной речи - просторечия и молодёжного жаргона.

Теоретическая значимость работы.

Выявление и описание морфологических особенностей русского арготического диалекта позволяет уточнить и углубить наши знания о частях речи, представленных в данном социальном диалекте, определить специфику отдельных частей речи. Сравнение морфологических особенностей русского арготического диалекта с морфологическими особенностями литературного языка, просторечия и молодёжного жаргона даёт более полное представление о том, как функционируют те или иные морфологические категории, присущие лексике различных частей речи, в кодифицированной и некодифицированных подсистемах русского национального языка. Результаты исследования морфологических особенностей русского арготического диалекта могут быть использованы при изучении морфологических особенностей других компонентов речевого субстандарта.

Практическая значимость диссертации.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования результатов исследования в преподавании курсов «Современный русский язык. Лексикология», «Современный русский язык. Морфология» и «Современный русский язык. Словообразование», в разработке спецкурсов и спецсеминаров по социальной лингвистике, а также на занятиях по культуре речи.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке курсовых и дипломных работ студентов.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах, сделанных на всероссийской междисциплинарной научной конференции «Шестые Вавилонские чтения. Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности» (2002 г.), проходившей в Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К. Крупской, на международных научных конференциях «Социальные варианты языка-II» (2003 г.), «Социальные варианты языка-III» (2004 г.), «Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка-IV)» (2005 г.) в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова, на межвузовской научной конференции «Вторые Грузовские чтения. Актуальные проблемы межъязыковых и межкультурных контактов» (2006 г.) в Марийском государственном университете, на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

В ходе исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие положения:**

1. Русское арго является субстандартной языковой подсистемой, имеющей морфологические особенности.
2. Морфологические особенности арго проявляются как в сравнении с кодифицированным языком, так и в сравнении с некодифицированными языковыми подсистемами.
3. Все знаменательные части речи, представленные в русском арго, имеют свою специфику, проявляющуюся на уровне различных морфологических категорий.
4. Наиболее полно морфологические особенности проявляются у имён существительных-арготизмов.
5. Появление грамматических особенностей у арготизмов обусловлено спецификой их семантики и способов словообразования.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной научной и художественно-публицистической литературы, списков принятых и условных сокращений, приложения, которое включает перечень вещественных существительных-арготизмов; собирательных существительных-арготизмов; неодушевлённых существительных-арготизмов, омонимичных одушевлённому существительному русского литературного языка; одушевлённых существительных-арготизмов, омонимичных неодушевлённому существительному русского литературного языка.

Содержание диссертации

Во **Введении** обоснован выбор темы диссертации, определена актуальность работы и её научная новизна, указаны объект и предмет исследования, материал и методы исследования, сформулированы цель и задачи работы, отмечены её теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Сходство и различие морфологических особенностей арго и русского литературного языка» посвящена выявлению и описанию специфических морфологических черт русского арго, отличающих данную субстандартную языковую подсистему от литературного стандарта.

В первом разделе раскрывается значение терминов литературный язык и арго, уточняется социальный статус арго и литературного языка, называются их характерные черты. Литературный язык и арго противопоставлены друг другу во многих отношениях. Литературный язык является высшей формой существования национального языка, которая принимается его носителями за образцовую. Это язык межнационального общения народов и официального и неофициального общения культурных людей. Арго определяется как один из социальных диалектов (социолектов) русского национального языка. Этот социолект характеризуется специфическим набором лексико-фразеологических и словообразовательных средств; он обеспечивает речевую коммуникацию относительно замкнутых социальных групп: криминальных элементов, нищих, беспризорников, наркоманов и т.п. Его основная функция – быть средством обособления этих групп, отделения их от основной части общества (см. Скворцов, 2003, 36). Однако, несмотря на все различия, существующие между арго и литературным языком, они постоянно взаимодействуют друг с другом.

Второй раздел посвящён описанию взаимодействия русского арго и литературного языка на лексическом уровне. Как правило, аргоизмы попадают в литературный язык посредством интержаргона (общего жаргона) или через просторечие. Это такие слова, как *беспредёл* ‘высшее беззаконие’, *заказать* ‘подготовить заказное убийство’, *отморозок* ‘преступник, не соблюдающий элементарных воровских правил’ и др. Однако преступные элементы не только “пополняют” литературный язык аргоизмами, но и заимствуют литературные слова, которые при переходе из одной языковой подсистемы в другую обычно претерпевают существенные семантические и морфологические изменения. В этом случае литературное слово и аргоизм, образованный от него в результате семантического переосмысления, вступают в отношения омонимии.

В третьем разделе дан обзор изучения морфологических особенностей русского арга. О специфике данного социального диалекта в морфологическом аспекте писали такие исследователи, как Д.С. Лихачёв, В.Д. Бондалетов, Н.Н. Шарандина. Д.С. Лихачёв считал, что существуют особые воровские морфологические элементы, которые носят черты возвращения к примитиву (равно как и другие элементы воровской речи). Одной из этих специфических черт, по его мнению, является особое развитие в речи воров сигнальной функции. В.Д. Бондалетов подчеркнул следующую важную морфологическую особенность арга: в его словарном составе присутствуют только знаменательные слова, обладающие лексическим значением и способные выступать членами предложения, а служебные слова арга “заимствуют” из общенародного языка. Некоторые морфологические особенности арготической системы выделила Н.Н. Шарандина. Она указала процентное соотношение частей речи в арго. По её данным, среди всех частей речи на первом месте в арго находятся имена существительные – им принадлежат 62% всей лексики. На втором месте в арго находится глагол, которому принадлежит 27 % арготической лексики. Девять процентов приходятся на долю прилагательных и наречий. Два процента принадлежат междометиям. Однако в целом анализ лингвистической литературы показал, что в настоящее время изучение морфологических особенностей русского арга находится на начальном этапе, так как многие проблемы, обозначенные видными языковедами, ещё не нашли своего решения.

В четвёртом разделе нами последовательно рассматриваются части речи, представленные в русском арго, в сравнении с частями речи литературного языка. Сопоставление подтвердило существующую точку зрения о том, что в русском арго выделяются только самостоятельные части речи (имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, наречие, категория состояния) и междометия. Собственных служебных слов арго не имеет; в речевой практике деклассированные элементы используют служебные слова литературного языка.

Последовательное рассмотрение частей речи, представленных в русском арго, и их сравнение с частями речи русского литературного языка позволило нам сделать вывод о том, что все знаменательные части речи в арго имеют специфику, проявляющуюся на уровне различных морфологических категорий.

Выявлено, что наиболее полно морфологические особенности проявляются у имён существительных-аргоизмов. Отметим самые существенные из них.

По нашим данным, в арго конкретные субстантивы составляют 97 % от общего числа существительных, а абстрактные лишь 3 %. Блатная

речь предназначена для профессиональной информации, к тому же такой, чтобы её не понял посторонний человек, а абстрактное представление для кодировки не годится. Поэтому абстрактные понятия литературного языка, попав в арго, чаще всего приобретают в нём конкретные значения, например: *бедность* – ‘арестант’, *слякоть* – ‘исполнитель приговора в ИТУ’, *власть* – ‘милиционер’ и т.п. Нами выявлены 35 подобных слов. У таких арготизмов, как правило, появляются формы множественного числа: *У нас ведь теперь все интеллигенты: в давлениях, костюмчиках и клёвых шузах* (Грачёв, 2003, 226) [*давлéние* – ‘галстук’]; *Крахи выпрашивали чуть ли не внаглую* (Грачёв, 2003, 447) [*крах* – ‘попрошайка’]. Их омонимы – отвлечённые существительные литературного языка – обычно форм множественного числа не имеют. Конкретизировались в арго и 48 вещественных существительных литературного языка. Из них 28 существительных стали одушевлёнными именами (*гуталин* – ‘негр’, *крупá*, *масло* – ‘солдат’, *ливер* – ‘ненадёжный человек’ и т.п.), 20 – неодушевлёнными (*золото* – ‘ружьё’, *кукуруза* – ‘огнестрельное оружие’, *клюква* – ‘церковь’ и др.). Анализ данных слов позволил выявить следующие грамматические особенности их словоизменения. Во-первых, 85% этих существительных образуют формы множественного числа (их омонимы в литературном языке являются существительными *singularia tantum*), например: *Бритоголовые подряд мочили всех урюков на рынке* (Грачёв, 2003, 941) [*урюк* – ‘торговец фруктами и овощами из Средней Азии’]; *Чесноки призывали свою братию завязать, рассказывали, как они устроились в жизни* (Грачёв, 2003, 1021) [*чеснок* – ‘бывший вор’] и т.п. Во-вторых, некоторые существительные могут употребляться в сочетании с количественными числительными, например: *Ничего, придётся два мяса сдать, не замочат, так будут жить, посадят – так отчалятся, а грев мы им сделаем* (Грачёв, 2003, 562) [*мясо* – ‘рядовой член бандитской группировки, подвергающийся наибольшей опасности’]; *Сегодня трёх урюков на базаре полдня искал* (Записи, 2005); *Две чешуи – вот тебе и пачка “Примы”* (Грачёв, 2003, 1023) [*чешуя* – ‘бутылка из-под спиртного’]. В литературном языке их омонимы относятся к классу неисчисляемых существительных. Подвергшиеся в арго конкретизации собирательные существительных литературного языка (7 слов) могут образовывать формы множественного числа и употребляться с количественными числительными (в отличие от омонимичных им собирательных существительных стандартного языка), например: *мусор* – *мусора́*, *дрянь* – *дряни́*. См.: *Я с мусора́ми не бухаю!* (Записи, 2006); *Из всего сказанного я понял лишь то, что по нашу душу явились сейчас, как минимум, одиннадцать мусоров*

(Седов, 2004, 56); *Кумовья в тайге две дряни обнаружили* (Грачёв, 2003, 265).

В русском аргю, по нашим данным, насчитывается 661 вещественное существительное (из них 299 лексем омонимичны существительным литературного языка). Обычно они называют те вещества, которые имеют отношение к преступной деятельности или к жизненным реалиям деклассированных элементов: драгоценные металлы, наркотики, алкоголь, продукты питания и т.п. Интересно, что некоторые из них были образованы от конкретных существительных литературного языка, например: *буто́н* – ‘хлеб’, *василёк* – ‘денатурированный спирт’, *дом*, *сарáй* – ‘гашиш’ и др. Нами выявлены 86 таких слов. Кроме того, в разряд вещественных существительных в аргю перешло 61 имя собственное литературного языка (в языковом стандарте они также считаются конкретными), например: *андре́й* – ‘ржаной хлеб’, *бели́нский* – ‘белый хлеб’, *пе́тр петрович* – ‘портвейн’ и др. (см. Приложение 1). Арготизмы с вещественным значением, являющиеся омонимами конкретных существительных литературного языка (в том числе и имён собственных), как правило, теряют способность исчисления и функционируют в речи деклассированных как существительные *singularia tantum*: *Венька где-то гла́з раздобыл* (Грачёв, 2003, 194) [*глаз* – ‘циклодол (лекарство, используемое в качестве наркотика)’]; *Гонец должен ду́дку притаранить – вот тогда и попышем!* (Грачёв, 2003, 267) [*ду́дка* – ‘наркотическое вещество, употребляемое путём курения’].

Существительным-арготизмам в большей степени, нежели существительным литературного языка, свойственны колебания грамматических показателей одушевлённости и неодушевлённости (совпадение форм винительного и именительного падежей или винительного и родительного падежей). Это связано с тем, что очень часто существительные, обозначающие живых существ и относящиеся в литературном языке к разряду одушевлённых, в аргю обозначают материальные предметы и, как следствие, переходят в разряд неодушевлённых, например: *балери́на* – ‘отмычка’, *обезья́на* – ‘зеркало’, *поросе́нок* – ‘бумажник’ и т.п. Нами зафиксированы 370 таких слов (см. Приложение 3). И наоборот, конкретных лиц или живых существ в русском аргю часто называют слова, омонимичные общенародным неодушевлённым существительным, например: *балло́н* – ‘милиционер’, *метла́* – ‘дворник’, *сапо́г* – ‘сотрудник милиции’ и т.п. Нами зафиксированы 335 подобных лексем (см. Приложение 4). Как правило, подобным арготизмам в большей степени, нежели существительным литературного языка, свойственны колебания грамматических показателей одушевлённости и неодушевлённости

(совпадение форм винительного и именительного падежей или винительного и родительного падежей). См., например: *Слушай, сдёрни ты этот болтун, надоел хуже горькой редьки!* и *Сел за болтуна, на спор его стащил со столба, ему и припаяли чуть ли не политику!* (Грачёв, 2003, 90) [*болту́н* – ‘радио; репродуктор’]; *Получил твой маляр, читаю и думаю, как быть дальше и Сашка получил от мотаяки маляра и заплакал* (Грачёв, 2003, 515) [*маля́р* – ‘записка’, ‘письмо’].

Появление вышеназванных морфологических особенностей аргоизмов обусловлено тем, что они были образованы лексико-семантическим способом от слов русского литературного языка. Семантическая трансформация “заимствованных” лексем повлекла за собой изменения их грамматических свойств.

Кроме того, нами зафиксирована ещё одна интересная морфологическая особенность арго: в нём, в отличие от стандартного языка, существительных мужского рода значительно больше, чем существительных женского и среднего рода.

В настоящей работе отмечены такие морфологические особенности адективов русского арго, как отсутствие у качественных прилагательных кратких форм, аналитических форм сравнительной степени, форм превосходной степени, возможности определяться наречиями степени. В отличие от литературного языка, в арго нет прилагательных, имеющих только краткие формы (типа *рад*, *одинёхонек*), а также неизменяемых адективов (типа *беж*, *хаки*). Особенностью арго является наличие в его словаре большого количества субстантивированных прилагательных, среди которых преобладают одушевлённые субстантивы мужского рода. Отсутствие единой нормы словоупотребления в арго обусловило существование в нём субстантивированных прилагательных - дублетов мужского и женского рода. Например, *чёрный* и *чёрная* - ‘опий-сырец; опий; кристаллический йод’, *беленький* и *беленькая* - ‘героин’ и т.п. В русском литературном языке подобных субстантивов-дублетов нет.

Нами зафиксирована следующая особенность арго: в нём нет числительных в традиционном понимании. Однако в данном социолекте функционируют существительные, являющиеся названиями денежных единиц, которые могут выступать и в значении числительных. Например: *Говорят, что наши обидак на пять арбузов тянет. Бешеные деньги!* (Грачёв, 2003, 37) [*арбу́з* – ‘миллиард рублей’]; *«Обижаетшь, старик! В сейфе они, в целости-сохранности. Ровно две тонны»* (Седов, 2004, 44) [*то́нна* – ‘тысяча рублей’, ‘тысяча долларов’].

Нами рассмотрены морфологические особенности личных местоимений, функционировавших в дореволюционном арго. Так,

склоняемыми были местоимения *мас*, *манёк* – ‘я’, *бóсва* – ‘ты’ (в отличие от личных местоимений литературного языка данные местоимения не имеют супплетивных форм), несклоняемым – *вона* – ‘он’, ‘она’. К морфологическим особенностям арго мы отнесли также наличие в его словаре полных субстантивов, омонимичных притяжательному местоимению языкового стандарта. См. полные субстантивы: *свой* – ‘профессиональный преступник’ и *своя*¹ – ‘воровка; подруга вора’. Это одушевленные существительные. В словарях зафиксировано также и неодушевленное существительное *своя*² – ‘карта, смоченная поташом и пускаемая в колоду во время игры’.

При анализе глаголов-арготизмов и их атрибутивных форм (причастий и деепричастий) сделан вывод, что к морфологическим особенностям арго следует отнести большую или меньшую распространённость в нём (по сравнению с литературным языком) некоторых глагольных форм. В языке деклассированных элементов редки безличные глаголы, причастия и деепричастия, поскольку они свойственны в первую очередь литературной речи. В русском арго широко употребительны экспрессивно окрашенные глаголы совершенного вида с разговорными суффиксами *-ну* и *-ану* (нами выявлены 168 таких лексем). См.: *лохануться* – ‘совершить ошибку, просчёт’, *марануть* – ‘убить’, *рэкетнуть* – ‘шантажом и угрозами добыть что-нибудь’ и т.п. В арготическом словаре существует сравнительно большое количество субстантивированных причастий.

В настоящей работе рассмотрены и описаны разряды наречий-арготизмов. К качественным наречиям относятся 114 слов (среди них есть омонимы наречий литературного языка). Например: *алма́зно* – ‘замечательно’, *беспла́тно* – ‘напрасно’, *ла́со* – ‘хорошо’ и др. Кроме наречий на *-о*, в группу качественных наречий входят арготизмы, образованные от падежных форм бывших существительных с предлогом или без него, например: *му́хой* – ‘быстро’, *на ша́ру* – ‘бесплатно’, *потиху́хи* – ‘тихо’. В стандартном языке лексемы, образованные таким способом, обычно относятся к группе наречий образа и способа действия, однако семантика арготизмов свидетельствует о том, что это именно качественные наречия. К количественным наречиям относятся 6 слов: *в лас* – ‘в меру’, *на́чисто*, *начистя́к* – ‘совсем; полностью’, *полня́к*¹ – ‘полностью’ и др. Восемь наречий-арготизмов обозначают неопределённое количество: *де́це(а)л*, *децл* – ‘очень мало’, *ла́сенько* – ‘маленько’, *ла́со* – ‘мало’, *полня́к*² – ‘много’ и т.п. В группу наречий способа и образа действия входят 47 арготизмов (среди них омонимы наречий литературного языка встречаются редко), например: *встоя́ка* – ‘стоя’, *натиха́ря* – ‘тайком’, *по-блатно́му* – ‘по-преступному’ и т.п. Сравнительно-уподобительные наречия в арго представлены всего двумя словами: *по-жигáнски* – ‘по-

воровски', *по-фраёрски* - 'как "фраер" (неопытный, не понимающий тюремных обычаев человек)'. К наречиям совместного или одиночного действия относятся 14 арготизмов: *хóром* - 'группой', *в особняк* - 'отдельно; в одиночку', *гáмбусом* - 'скопом' и др. К наречиям времени относятся 6 слов: *глушняк* - 'навсегда', *запостоянку* - 'постоянно', *по утряне, по утряни, по утрянке, утрянкой* - 'утром' и др. Девять арготизмов входят в группу наречий места: *за мóрем* - 'за Байкалом в каторге', *за рéчкой* - 'далеко от дома', *на гóне* - 'в поле; в лесу', *на жару́* - 'на опасном месте' и др. Кроме того, нами выявлено одно наречие причины: *с переляку* - 'с испуга'. Наречий цели в арготизмах нет. Морфологической особенностью качественных наречий-арготизмов на -о является то, что они в отличие от подобных наречий стандартного языка практически не образуют формы сравнительной степени и совсем не образуют формы превосходной степени.

Нами проведён анализ слов категории состояния, функционирующих в русском арготизме. Рассмотрено 31 слово. Выявлено, что в данном социальном диалекте слова категории состояния на -о (типа *мо́кро, жа́рко, стрёмно* - 'опасно', *се́ро* - 'неизвестно, как пойдут дела', *ти́хо* - 'нет денег') в отличие от подобных слов категории состояния языкового стандарта не имеют форм степеней сравнения. Арготизмы, принадлежащие к категории состояния, очень редко обнаруживают соотносительность с теми словами, от которых они произошли. Слова категории состояния в литературном языке такую соотносительность, как правило, сохраняют. В языковом стандарте омонимами слов категории состояния могут быть прилагательные, наречия, существительные. В русском арготизме слова категории состояния в отношении омонимии вступают только с наречиями, причём такие примеры единичны.

В работе описаны междометия русского арготизма, обслуживающие сферы эмоций и эмоциональных оценок, волеизъявления, этикета. Выявлена их специфика. Эмоциональных междометий в арготизме мало - 17 слов (например, *лады́* - 'хорошо', *золь* - 'плохо' и др.). Они чётко делятся на выражающие положительные и отрицательные эмоции, большинство из них обладает яркой экспрессией. В русском арготизме нет междометий, выражающих сложные эмоционально-интеллектуальные состояния человека. В изучаемом социолекте преобладают междометия, обслуживающие сферу волеизъявления - 104 слова (например, *ша, ша́ба* - 'молчи', *са́льва* - 'стреляй', *двáдцать, цек* - 'оставь докурить'). Побудительные междометия наиболее устойчивы в языке деклассированных элементов, и это напрямую связано с их сигнальной функцией - очень важной в преступной деятельности. Слова, обслуживающие сферу этикета, в арготизме встречаются очень редко; в работе рассмотрены 7 междометий (например, *ПТ* - 'привет',

приветствие при встрече, *адью́* - ‘до свидания’, *ата́* - ‘до свидания’, ‘до встречи’).

Итак, сравнение лексических систем русского арго и литературного языка показало, что арго имеет ряд специфических морфологических черт, которых нет у стандартного языка.

Во второй главе «**Морфологические особенности русского арго в сравнении с морфологическими особенностями просторечия и молодёжного жаргона**» рассматриваются специфические морфологические черты русского арго, отличающие его от морфологических особенностей неcodифицированных языковых подсистем - просторечия и молодёжного жаргона.

Арго и просторечие, будучи субстандартными подсистемами национального русского языка, противостоят литературному стандарту и активно взаимодействуют на лексическом уровне. Они имеют ряд сходных черт и ряд отличий в области морфологии.

Наибольшее сходство обнаруживают просторечные и арготические имена существительные. В области грамматики это большая активность в сравниваемых подсистемах ударных флексий *-а* (*-я*), *-ы* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода (напр., прост. *запахá, тортá, шоферá; плоды, склады, стаканы*, арг. *корешá, мусорá, фраерá; воры, жиганы, иваны*). Ср.: прост. *Все положите портфелья на парту и быстро в актовýй зал; Опять стаканы не убрали* (Земская, Китайгородская, 1984, 74) и арг. *Чушков послали чистить северá* (Грачёв, 2003, 822) [*север* – ‘туалет’]; «*Иваны*» и «*бродяги*» - одно и то же название уголовно-арестантской касты в дореволюционной России (Сидоров, 2005, 94). В то же время в просторечной среде в словоизменительную модель с ударной флексией *-а* (*-я*) “затягиваются” и некоторые существительные женского рода, например, *площадь, матеря, мозоля* и т.п. (Крысин, 2000, 32). Для арго такие словоформы не характерны, поскольку в его составе преобладают существительные мужского рода.

В просторечии существительные мужского и среднего рода в родительном падеже множественного числа, имеющие в литературном языке нулевую флексию, часто употребляются с флексией *-ов*, например: *солдатов* (лит. *солдат*), *погонов* (лит. *погон*), *зеркалов* (лит. *зеркал*), *местов* (лит. *мест*), *хозяевов* (лит. *хозяев*) и т.п. (Земская, Китайгородская, 1984, 75). Такие формы встречаются и в речи деклассированных элементов, причём флексия *-ов* характерна для аргоизмов, омонимичных существительным литературного языка. См.: *Шесть разов за пушку прокатит?* (Грачёв, 2003, 775) [*раз* – ‘сто

рублей’]; *Я еле-еле ушёл на полусогнутых от сапогов* (Грачёв, 2003, 809) [*сапог* – ‘сотрудник милиции’].

Кроме того, в просторечии наблюдается иная, чем в литературном языке, родовая соотносённость некоторых существительных. Так, существительные среднего рода *яблоко*, *полотенец* часто употребляются как существительные мужского рода *яблок*, *полотенец*; существительные среднего рода *лето*, *мясо*, *повидло* – как существительные женского рода, существительное женского рода *фамилия* – как существительное среднего рода *фамилие* (см. Земская, Китайгородская, 1984, 72-73). Для арго это явление не характерно. Однако в данном социолекте некоторые одушевлённые существительные-арготизмы, омонимичные неодушевлённым существительным женского и среднего родов литературного языка, называют лиц мужского пола и, соответственно, функционируют как существительные мужского рода: *Заколебал меня этот забрало!* (Грачёв, 2003, 300) [*забрало* – ‘милиционер’]; *Промокашка*, когда его начали имонить, вдруг *стал* духариться, а чего духариться: ткнёшь пальцем – упадёт (Грачёв, 2003, 757) [*промокашка* - ‘пьяный человек’]. Очень часто существительные женского и среднего рода стандартного языка становятся существительными мужского рода в криминальных кличках, например: *Всякий раз, когда Макарона попалался Косяку на глаза, Косяк поражался: и как такая сопля смогла справиться с тёлкой, хотя и пятнадцатилетней!* (Седов, 2004, 218); *Решето на танцах барашка подклеил и сразу к себе на хату* (Грачёв, 2003, 58).

Причины сходства сравниваемых языковых подсистем заключены в том, что, во-первых, и арго, и просторечие анормативны по своей природе, вследствие чего их словоупотребление и словоизменение имеют отличия от нормативного словоупотребления и словоизменения. Во-вторых, поскольку для большинства носителей арго характерна полигlossия, влияние просторечной грамматики на словоизменение арготизмов становится очевидным. Однако тот факт, что арготическая лексика в целом функционирует на основе русской общенациональной грамматики, а не только субстандартной, приводит к тому, что арго и просторечие имеют и отличия в области морфологии. Так, по некоторым причинам данные субстандартные подсистемы неправомерно сравнивать в сфере таких частей речи, как имена прилагательных, местоимения и числительные. Например, в сфере прилагательных эта неправомерность объясняется тем, что просторечие резко отличается от литературного языка, в основном, способами образования форм сравнительной и превосходной степени (Земская, Китайгородская, 1984, 77). Прилагательные-арготизмы, в свою очередь, редко образуют простые формы сравнительной степени и

вообще не образуют аналитических форм сравнительной степени, а также не образуют форм превосходной степени (см. Главу 1). Что касается двух других частей речи - местоимений и числительных, - то здесь неправомерность сравнения обусловлена тем, что, во-первых, современное арго не имеет собственных местоимений и числительных, вследствие чего преступные элементы заимствуют их из литературного языка. Во-вторых, наиболее полно морфологические особенности (в сравнении с литературным языком) проявляются у тех аргоизмов, которые некогда были местоимениями и именами числительными стандартного языка и подверглись в языке деклассированных элементов субстантивации (см. Главу 1). Просторечие же в сфере местоимений и числительных имеет более существенные морфологические отличия от стандартного языка (см. Земская, Китайгородская, 1984).

В области глагольной морфологии арго и просторечие сходны лишь в том, что в речи их носителей практически не употребляются деепричастные обороты, поскольку конструкции с ними характерны для речи людей, владеющих нормами кодифицированного языка. Между тем преступные элементы достаточно активно употребляют просторечные глагольные формы (особенно часто они встречаются в блатном фольклоре), например: *Вы **хочете** песен? Их есть у меня!* (Песня «Вы хотите песен»); *Шёл дорожкой с папирской - / Папирска **вспыхиват**./ Сидит имара под окошком/ Тяжело **повздыхиват**...* (Хулиганская песенка); *А в пятницу был **удивмишишь**:/ Сколько **вытито** было вина!* (Песня «В пивной») и т.п. Однако на аргоизмы просторечная глагольная грамматика существенного влияния не оказывает.

В арго и просторечии по-разному представлены лексико-грамматические разряды наречий. В просторечии существуют следующие группы наречий: 1) локальные, например, *взад* - 'назад', *далёко* - 'далеко', *середь* - 'посередине' и под.; 2) темпоральные, например, *вперёд* - 'сначала', *намедни* - 'недавно', *вчера* - 'вчера' и под.; 3) причинно-целевые, например, *пошто* - 'почему, зачем, с какой стати', *накой* - 'зачем'; 4) определительные, например, *маленько*, *маненько* - 'немного', *обратно* - 'снова', *силком* - 'насильно' и под. (Земская, Китайгородская, 1984, 86-87). В арго выделяются практически все разряды наречий, которые свойственны русскому литературному языку, однако каждый из разрядов представлен малым количеством лексем, семантика которых весьма специфична (см. подробнее Главу 1).

Существенное отличие сравниваемых компонентов русского субстандарта состоит в том, что у просторечия есть собственные

служебные слова (предлоги, например, *зместо, супротив, промеж* и др., и частицы, например, *дак, чай, токмо* и др.), а арго их не имеет.

Арго и молодёжный жаргон, являющиеся динамично развивающимися подсистемами русского субстандарта, постоянно взаимодействуют друг с другом, создавая смешанные зоны, вследствие чего количество аргоизмов в речи молодёжи заметно увеличилось. Данные социолекты обнаруживают большое сходство в области морфологии. Во-первых, арго и молодёжный жаргон представлены только знаменательными словами и междометиями. Своих служебных слов они не имеют. Во-вторых, в лексике этих социальных диалектов количественно преобладают имена существительные, что напрямую связано с номинативным характером сравниваемых функциональных подсистем русского речевого субстандарта. В-третьих, самостоятельные части речи, выделяемые в данных социальных диалектах, имеют грамматические особенности, отличающие их от языкового стандарта. Наибольшее сходство обнаружено нами у имён существительных и прилагательных. Так, общей морфологической особенностью сравниваемых социолектов можно считать то, что в этих функциональных подсистемах в результате семантического переосмысления многие вещественные существительные литературного языка перешли в лексико-грамматический разряд конкретных существительных. Однако здесь есть одно отличие: если в арго подобные существительные стали как одушевлёнными именами (напр., *крупá, мáсло* - 'солдат', *мешковíна* - 'безобидный человек', *нашатýрь* - 'низкорослый человек' и др.), так и неодушевлёнными (напр., *зóлото* - 'ружьё', *мали́на* - 'притон деклассированных элементов', *кóжа* - 'бумажник' и др.), то в молодёжном жаргоне все существительные приобрели одушевлённость. См., напр.: *аспирiн* - 'аспирант', *кислотá* - 'учительница химии', *стýдень* - 'тощий, хилый студент' и др. Как показывают наши наблюдения, и у существительных-аргоизмов, и у субстантивов молодёжного жаргона есть морфологические особенности, связанные с категорией одушевлённости-неодушевлённости. Так, очень часто существительные, обозначающие живых существ и относящиеся в литературном языке к разряду одушевлённых, в сравниваемых социальных диалектах обозначают материальные предметы и, как следствие, переходят в разряд неодушевлённых. Ср., напр., аргоизмы *бычóк* - 'чемодан', *поросёнок* - 'бумажник', *францýз* - 'замок французского производства' и молодёжные жаргонизмы *белýга* - 'натальное бельё солдат срочной службы', *журáвль* - 'микрофонная стойка', *ýтка* - 'место на стадионе' и др. При этом у аргоизмов и жаргонизмов обнаруживаются одинаковые грамматические

особенности: некоторые лексемы могут сохранять морфологические признаки одушевлённого существительного - у них форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа, например: арг. *Я не удивлюсь, если увижу, как эти бабы **бекасов** на остановках подбирают* (Грачёв 2003, 69) [*бекáс* - 'окурок']; *Человек попросил закурить и опустил «**коня**»* (Ерёмин, 1995, 50) [*конь* - 'верёвка с грузом на конце, с помощью которой из камеры в камеру передаются мелкие вещи'] и мол. *Училка по истории вкатила **гуся** в дневник* (Грачёв, 2006, 147) [*гусь* - 'оценка «два»']; *Я себе **хомяка** в нете завёл, только пока гостевуху никак не могу сделать* (Грачёв, 2006, 605) [*хомяк* - 'домашняя интернет-страничка']. Признаки неодушевлённости подобные существительные-аргоизмы и жаргонизмы приобретают значительно реже. Они выражаются в совпадении формы винительного падежа с формой именительного. См., например: арг. *За этот **ёжик** уже будешь речь держать по полной программе* (Грачёв, 2003, 278) [*ёжик* - 'колющее оружие']; *На рынке один ара толкал Седому **чудак** за шестьсот баксов* (Грачёв, 2003, 1031) [*чудáк* - 'револьвер'] и мол. *Менты все **ежи** на бошках побривали* (Грачёв, 2006, 184) [*ёж* - 'вид причёски у панка или металлиста']; *Девочки на новый год один только **клоп** и глушили* (Грачёв, 2006, 251) [*клоп* - 'коньяк']. И в аргю, и в молодёжном жаргоне конкретных лиц или живых существ часто называют слова, омонимичные неодушевлённым существительным литературного языка, например: арг. *балло́н* - 'милиционер', *горшо́к* - 'глупый человек', *корзи́на* - 'старая женщина' и мол. *автозапча́сть* - 'болельщик футбольной команды «Торпедо»', *буква́рь* - 'первоклассник', *тычи́нка* - 'учительница биологии' и др. Они чаще всего выражают морфологические признаки одушевлённых существительных: форма винительного падежа совпадает с формой родительного. Например: арг. *Счастливым ворам, успевшим «сторговать» и швыряющим награбленные и наворованные деньги, «коты» приводили своих «сюжетов» и вместе с последними обирали воров* (Гиляровский, 1984, 153) [*сюже́т* - 'проститутка, любовница сутенёра']; *«Мне поговорить бы с тобой. Не на ходу. Давай вечером созвонимся, договоримся, как нам встретиться, только чтобы ты «**хвоста**» за собой не привела»* (Устинова, 2003, 242) [*хвост* - 'преследователь'] и мол. *На **балластов** надеяться - глухой номер, те, чуть стрёмно, - сразу в кусты* (Грачёв, 2006, 55) [*балла́ст* - 'молодой фанат, не принимающий участия в драках и выездах в другой город, чтобы «болеть» за свою футбольную команду']; *«**Кекса** в Питере ухлопали? Ухлопали!»* (Устинова, 2006, 104) [*кекс* - 'парень'].

В сфере имён прилагательных аргю и молодёжный жаргон обнаруживают почти полное сходство. В речи молодёжи, как и в речи

аргозирующих, нет аналитических форм сравнительной степени, прилагательные-жаргонизмы не образуют простые формы превосходной степени. Аналитическая форма превосходной степени образуется только у прилагательного *крутой* – ‘высший признак чего-либо’. См.: “*А вот это самый крутейший чат, который я когда-либо видел*” (Газета «Я – молодой», 1999, № 48-49). Все прилагательные в арго и молодёжном жаргоне обладают словоизменительными категориями рода, числа, падежа. В молодёжном жаргоне, как и в арго, нет адъективов, имеющих только краткие формы, а также неизменяемых прилагательных.

В сфере наречий, слов категории состояния и междометий арго и молодёжный жаргон отличаются только семантически.

Однако, по нашим наблюдениям, грамматические особенности у лексики одних и тех же частей речи в арго и молодёжном жаргоне могут проявляться неодинаково. Данное явление обусловлено спецификой семантики арготизмов и жаргонизмов. Например, в арго были переосмыслены и получили новые, “конкретные” значения многие отвлечённые существительные стандартного языка, например: *благодать* – ‘умывальник’, ‘баня’, ‘душевая’, *молодость* – ‘лезвие от безопасной бритвы’ и т.п. (см. подробнее Главу 1). Подобное явление можно наблюдать и в молодёжном жаргоне. См., например: *глушь* – ‘непросвещённый человек’, *качество* – ‘красивая девушка’, *ум* – ‘умный человек’ и т.п. Интересно то, что у арготизмов, образованных таким способом, как правило, появляются формы множественного числа, например: *беспредёлы* – ‘преступники, не соблюдающие воровских законов’, *крахи* – ‘попрошайки’ и т.п. Их омонимы – отвлечённые существительные литературного языка – обычно форм множественного числа не имеют. В свою очередь, в молодёжном жаргоне формы множественного числа нами зафиксированы только у тех лексем, омонимы которых в литературном языке также имеют формы множественного числа. Например: *занах* [‘солдат до первой бани’] – *занахи*, *мажор* [‘представитель молодёжи, ведущей беспечный, разгульный образ жизни за счёт богатых, высокопоставленных родителей’] – *мажоры*. Необходимо отметить также то, что в арго большинство подобных существительных являются неодушевлёнными, а в молодёжном жаргоне, напротив, одушевленными. В молодёжном жаргоне, как и в арго, есть большая группа субстантивированных прилагательных. Однако в арго существуют субстантивированные адъективы всех грамматических родов – мужского, среднего и женского, например: *бановой* – ‘привокзальный вор’, *косая* – ‘тысяча рублей’, *белое* – ‘серебро’ и т.п., а в молодёжном жаргоне представлены субстантивированные

прилагательные только мужского и женского рода, например: *зелёный* – ‘студент-первокурсник’, *ста́рый* – ‘староста учебной группы’; *госуда́рственная* – ‘оценка «три»’, *то́щая* – ‘материнская плата для корпуса типа Slim’, и др.

Кроме того, в последнее время лингвисты выделяют следующие морфологические особенности молодёжного жаргона: значительное увеличение количества несклоняемых существительных в речи молодёжи (например, *па́ти* – ‘вечеринка’, *сиди́* – ‘компакт-диск’, *тату́* – ‘татуировка’ и др.) и употребление молодыми людьми местоимения *такой* в несвойственной ему ранее роли артикля (например: *Я такая иду...Мы такие стоим...*). У русского арго подобные особенности нами не зафиксированы. Вышесказанное служит подтверждением мысли о том, что у каждого русского социального диалекта есть свои специфические морфологические черты.

В **Заключении** отражены итоги исследования и намечены перспективы дальнейшей работы в изучении русского арго.

Сравнив морфологические черты арго с морфологическими чертами литературного языка, просторечия и молодёжного жаргона, мы пришли к выводу, что русское арго имеет свою специфику в области морфологии. Морфологические особенности русского арго проявляются как в сравнении с кодифицированным языком, так и в сравнении с некодифицированными языковыми подсистемами.

Потенциал дальнейшего исследования нам видится в выявлении и описании специфики русского арго в области синтаксиса, поскольку арготическая система представляется не изолированной от литературных грамматических норм лишь теоретически. Результаты исследования морфологических особенностей русского арго могут лечь в основу изучения морфологических особенностей других компонентов речевого субстандарта.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Тонкова, Е.Г. Об изучении морфологических особенностей социальных диалектов/ Е.Г. Тонкова// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Выпуск 4 (48). С. 61-63.

2. Тонкова, Е.Г. Об изучения морфологических особенностей русского арго/ Е.Г. Тонкова// Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 101-102.

3. Аксёнова, Е.Г. О жаргоне военнослужащих срочной службы Йошкар-Олинского гарнизона/ Е.Г. Аксёнова// Социальные варианты языка-II: Материалы международной научной конференции 24-25 апреля 2003 года. Нижний Новгород. Нижний Новгород:

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2003. С. 77-79.

4. Аксёнова, Е.Г. Категория одушевлённости-неодушевлённости в русском арго/ Е.Г. Аксёнова// Социальные варианты языка-III: Материалы международной научной конференции 22-23 апреля 2004 года. Нижний Новгород. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2004. С. 23-26.

5. Аксёнова, Е.Г. Категория состояния в русском арго/ Е.Г. Аксёнова// Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск седьмой. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2004. С. 3-7.

6. Аксёнова, Е.Г. Лексико-грамматические разряды прилагательных в русском арго/ Е.Г. Аксёнова// Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка-IV): Материалы международной научной конференции 21-22 апреля 2005 года. Нижний Новгород. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 37-40.

7. Тонкова, Е.Г. Субстантивы в русском арго/ Е.Г. Тонкова// Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск восьмой. Часть вторая. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 158-166.

8. Тонкова, Е.Г. Междометия в русском арго/ Е.Г. Тонкова// Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. С. 375-382.

9. Тонкова, Е.Г. Об актуальности изучения морфологических особенностей русского арго/ Е.Г. Тонкова// Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: материалы Региональной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения профессора Л.П. Грузова. Йошкар-Ола, Мар. гос. ун-т, 2007. С. 257-261.

10. Тонкова, Е.Г. О морфологических особенностях русского арго/ Е.Г. Тонкова// Социальные варианты языка-V: Материалы международной научной конференции 19-20 апреля 2007 года. Нижний Новгород. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 431-434.